

БЛАГОДЕТЕЛЬ СЛЕПЫХ

Важны для каждого из нас
Свои события и даты —
О них судачат и подчас
Чужие мнения предвзяты.
Согласно вычурной молве
Портреты наши не похожи.
Мы все с провидцами в родстве —
От шептунов страдаем тоже.
Не опасается преград
Лихой сквозняк противоречий,
А откровенность невпопад
Невольно кажется зловещей.
Не повернуть мгновенья вспять,
Не доскакать до самой сути,
Но всё ж хотим дерзать опять,
Наперекор досужей мути!

Завершается знаменательный год прославления достижений педагогики, на протяжении которого заслуженно чествовали лучших наставников и преподавателей, в том числе и выдающихся гуманистов прошлого. Думаю, поэтому вполне уместно вспомнить просветительский подвиг Валентина Гаюи, на излёте XVIII века основавшего первое в мире учебное заведение для тотальников.

Несомненно, подвижник сыграл огромную роль в реальной реабилитации «вдвойне тёмных попрошаек»,

системно приобщая их к элементарной грамоте. Свою важную миссию милостивого отношения к страждущим он поначалу самозабвенно выполнял на родине, а затем осуществлял аналогичную деятельность и в нашей стране. Необходимо констатировать, что старший брат всю жизнь поддерживал рискованные эксперименты Валентина, в том числе и материально.

Рене Жюст крайне успешно занимался геологией и кристаллографией, а с 1783 года являлся членом Парижской «когорты бессмертных мудрецов». Как выдающегося иностранного учёного его избрали в аналогичную Петербургскую академию наук и Лондонское королевское общество. Уже в 1807 недавно открытый минерал из группы силикатов уважительные коллеги даже назвали гаюин. Таким образом, естествоиспытателю досталась прижизненная слава, что бывает нечасто.

По странному стечению обстоятельств, оба великих родственника скончались в 1822 году с разницей всего в несколько месяцев. Увы, круглый юбилей этих скорбных событий не привлёк внимание современной научной и тифлопедагогической общественности, поэтому с небольшой задержкой постараюсь исправить досадное упущение. Тем более что как раз ровно 240 лет назад на практике стал внедряться рельефно-линейный «унциал». Бесспорно, этот факт является весомым поводом, чтобы уделить пристальное внимание судьбе изобретателя методики массового применения усовершенствованного шрифта для незрячих, почти век на без-

альтернативный основе царившего в Старом Свете, так как достойных конкурентов попросту не было.

Конечно, выпуклое тиснение было известно печатникам и раньше, но только гениальный тифлопедагог догадался, что сравнительно крупные буквы упрощённого начертания можно приспособить для систематического обучения тотальников. Чтобы увеличить эффективность освоения алфавита и облегчить работу зрячих консультантов, стилизованные знаки, достаточно хорошо различимые посредством осязания, вдобавок ещё и чёрной краской выделяли.

Естественно, кончики пальцев упорных первопроходцев с непривычки быстро уставали, но главное — отчётливые оттиски позволяли с приличной скоростью на ощупь разбирать тексты тогда ещё немногочисленных, но крайне полезных книг, среди которых почётное место занимала «Краткая французская грамматика». Кроме того, специальный разграничительный прибор, введённый в обиход неуёмным рационализатором, предоставлял возможность даже вслепую сносно писать на вставленной в него и слегка увлажнённой бумаге. Причём использовались особые тупые перья и обычные чернила.

Надо заметить, что уже полтора десятилетия назад, когда мне довелось активно сотрудничать с редакцией телевизионной программы «Своя игра», для закалённых интеллектуалов я подготовил целую дюжину тематических вопросов, посвящённых незаурядному просве-

тителю. Они базировались на мемуарах современников и документированных фактах его биографии. Их разнообразие само по себе подтверждает масштабность личности. В частности, ставился вопрос: «В чём состоит парадоксальность традиции отмечать Международный день слепых 13 ноября?». Хотя корифеи обычно поражали глубиной познаний, в данном случае правильный ответ им найти не удалось, а он должен был бы звучать приблизительно так: «Данного числа 1745 года родился Валентин Гаюи, который свою весьма плодотворную деятельность в интересах нищих тотальников осуществлял, будучи зрячим».

Придётся принимать как должное, что имя и фамилия учёного во французском языке встречается в двух вариантах: Valentin Haüy или Валантён Аюй. Значит, и в русской орфографии вместо привычного Гаюи, допустимо использовать Аюи, но подобное сочетание исключительно гласных букв и соответствующих звуков для нас менее удобно. Хотелось бы подчеркнуть, что программный «Очерк обучения лиц с дефектами зрения» основоположник тифлопедагогики создал уже в 35 лет. В свою очередь, фундаментальную научную работу «Зарождение, развитие и современное состояние просвещения слепых» он обнародовал в 1788 году.

Это произошло как раз ровно за двести лет до публикации сборника Михаила Суворова «Бинокли памяти», стержневой основой которого стала очень выразительная и достоверная поэма «Начала», воспевшая ти-

танический труд подлинного энциклопедиста, подарившего изгоям общества с дефектами зрения счастливую возможность самостоятельно поглощать информационную продукцию и собственноручно фиксировать важные сведения, по необходимости при заочном общении отправляя личные послания по почте. Символично, что сперва точную в деталях и виртуозно рифмованную хронику подвижничества решили издать с помощью шеститочия Брайля. Лишь через пару лет, обогащённая ценными дополнениями, она удостоилась плоскопечатного тиража. Я ещё не раз буду цитировать превосходное произведение незрячего лирика из Твери, а стартовать хочу с его четверостишия, повествующего о деревеньке близ захолустного городка Амьен провинции Уаза, где и появился на свет будущий благодетель обездоленных:

«Едва ли она уцелела,
Забытая ныне Сен-Жюст,
Где вырос отчаянно смелый,
Теперь знаменитый француз...»

Хотя трудолюбивая семья Гаюи считалась крестьянской, рукастый отец дружных братьев в совершенстве освоил ремесло ткача, приносившее приличную прибыль. Это позволило дать сыновьям отличное образование, ведь они, несмотря на домашнее воспитание и постоянный контакт с природой, с раннего детства неустанно тянулись к науке. Их неукротимая целеустремлённость принесла весомые плоды.

Валентин особенно интересовался чужими наречиями. Пытливый мальчик рано в совершенстве овладел греческим, латынью и древнееврейским. В зрелом возрасте истинный полиглот мог напрямую и без словарей вести беседу с европейцами разных национальностей и вдобавок свободно читал на нескольких восточных языках. Преодолевая неизбежные препоны, связанные с низким социальным статусом, без мощных связей и протекции талантливый провинциал всё-таки смог покорить Париж. Он получил высшее образование и даже занял престижную должность переводчика в штате Министерства иностранных дел Франции.

Наконец сумев обрести стабильный источник доходов, молодой человек женился, а вскоре у него родилась дочь и затем сын. Весьма перспективному чиновнику предрекали блестящую карьеру на дипломатическом поприще, но его тревожило бесправное положение голодающих бедняков, в массе которых особенно страдали калеки. Тщательно изучив мировую историю, совестливый и чуткий интеллигент с ужасом понял, что даже в эпоху, казалось бы, цивилизованной античности увечным и безглазым жилось совсем не сладко. Достаточно вспомнить грозных спартанцев, радикально избавлявшихся от собственных неполноценных отпрысков. Вот как на финише XX века о трагичной реальности далёкого прошлого написал советский поэт, а по совместительству и директор школы:

«О, Греция мраморной эры,

Под всплески морей голубых,
Под песни слепого Гомера
Не тратилась ты на слепых!
О, Рим, властелин златоглавый,
В сиянье своей красоты,
В сиянье воинственной славы,
Слепых не пожаловал ты!»

Беспросветная мрачность минувшего навевала горькие мысли. Пожалуй, в жестоких буднях эллинской и латинской действительности позитивное исключение составляли лишь слепые врачеватели, рапсоды да сказители, знания которых, помноженные на природные дарования и закреплённые в натренированной памяти, были всегда востребованы в малограмотном обществе. После мучительных колебаний мудрый Гаюи решил, что только серьёзное образование и высокий профессионализм дадут тотальникам надежду на достойную жизнь. Разумеется, воплощать на практике утопические идеи пришлось самому наивному филантропу. А кому же ещё?

«Он сердце своё не остудит,
Осудит кичливую знать.
Он первым в истории будет
Наукам слепых обучать.
По выпуклым буквам обычным,
Никто не придумал других,
Откроет незрячим мальчишкам
Он мудрую прозу и стих...»

Когда Гаюи было 39 лет, исключительно на свои личные средства и в собственном парижском доме он открыл первую в мире школу для ущербных ребят. Данное знаменательное событие произошло в 1784 году вовсе без поддержки государственных структур, клерикальных и благотворительных организаций. Словно 12 апостолов, юные слепцы из неблагополучных семей и беспризорники, руководимые авторитетным кумиром, решительно вступили в эпоху интеллектуального возрождения. Впоследствии на знаменитом памятнике был даже запечатлён харизматичный лидер и его дебютный подопечный Франсуа де Лезюер, который до встречи с наставником Божьей милостью побирался на церковной паперти.

К счастью, у любившего риск новатора педагогики неожиданно проявились способности крутого рекламщика и организатора. Ему пришло в голову публично демонстрировать замечательные успехи продвинутых подростков без остатка зрения. Занимательный аттракцион посещали состоятельные буржуа, скучающие дамы полусвета и влиятельные журналисты. О модном развлечении прослышали даже в королевском дворце, где к необычной забаве тоже отнеслись вполне благосклонно.

«Не стало вокруг равнодушных,
Галдели газеты гурьбой,
В ладонь зачинателя дружно
Посыпался дождь золотой.

Хитрила, конечно, элита,
В политике трюки свои,
Но первая школа открыта...
Открыта, месье Гаюи!»

К сожалению, относительное финансовое благополучие длилось недолго. Великая французская революция обострила классовую борьбу и резко изменила условия существования всех сословий, ухудшив и без того бедственное положение маломобильных граждан. Щедрым жертвователям из числа сердобольных дворян и богатых фабрикантов стало не до вспомоществования убогим. Жуткая гильотина без разбору собирала свою кровавую жатву. Уцелеть бы!

Слава, Богу! Знаменитые братья не попали на эшафот. Возможно, их выручило пролетарское происхождение и абсолютная аполитичность. Впрочем, пришлось оперативно реформировать содержание учебных программ, а школу переименовывать в духе времени. В отдельных источниках она упоминается под странноватым названием: «Мастерская трудящихся слепых». Всё тщетно! Невзирая на все титанические усилия, финансовое положение коллектива единомышленников оставляло желать лучшего. Экспериментальный проект неотвратимо приходил в упадок, а доконал его сам всемогущий Наполеон. Ему требовались огромные деньги на завоевательные походы, поэтому диктатор беспощадно сокращал социальные траты.

«Вдруг сам Бонапарт толстосумам

Издад пресловутый указ:

«Слепых обучать, как разумных,

Преступная роскошь сейчас!»

Понятно, что учёные мужи Российской империи были осведомлены о феноменальных результатах изысканий Валентина Гаюи, поэтому они на третьем году правления Александра Первого от имени царя направили ему предложение создать на берегах Невы учебное заведение для лиц с потерей зрения. Утратив любимое детище, шестидесятилетний преподаватель широкого профиля решился на переезд, но сборы затянулись. Однако в сентябре 1806 года он всё-таки прибыл в Северную Пальмиру, где без промедления отыскал увлечённых энтузиастов социального просвещения. Двумя преданными помощниками мэтра стали его соотечественники с подходящими навыками, а за словесность отвечал русский студент университета по фамилии Галич. Кроме того, для новых воспитанников образцовым примером являлся незрячий юноша Фурнье, прибывший из Парижа вместе с членами семьи знаменитого француза.

Бесстрашный тифлопедагог резво взялся за дело, но, когда подготовительный процесс был завершён и пришёл срок набирать полный класс страждущих школяров, мелкие службисты, приглядывавшие за фанатом просвещения, официально сообщили ему, что в столице попросту нет слепых детей! Разумеется, опытный борец с тягостным засильем бюрократов не поверил необоснованным рассказам. Он приступил к самостоя-

тельным поискам подходящих кандидатов и тут же обнаружил нескольких будущих грамотеев в богадельне прямо возле Смольного. Кстати, настырный иностранец был готов содержать неимущих простолюдинов за свой счёт, да обошлось!

Дело в том, что влиятельные и красноречивые покровители наук из местной аристократии ненавязчиво напомнили молодому и тщеславному монарху о его собственной инициативе, связанной с зарубежным специалистом. Также они смогли ему доходчиво объяснить, что появилась редкостная возможность досадить самому надменному Наполеону, который, несмотря на его хвалёную проницательность, так и не разобрался в глубинном значении социального новаторства скромного француза.

Наверное, венценосному внуку Екатерины Великой не давала покоя её реформаторская слава. И поэтому самодержец, впоследствии прозванный Благословенным, захотел доказать кичливой Европе, что ему тоже не чужды прогрессивные веяния. Как бы то ни было, император лично утвердил предполагаемый штат из пятнадцати учителей и скудный бюджет Санкт-Петербургского института слепых детей.

«В золочёной Северной столице,
Где наплыв мундиров голубых,
Ради равнодушной заграницы,
Основали школу для слепых...»

Наконец-то 5 мая 1807 года состоялось открытие об-

разовательного учреждения сугубо специального назначения. Любопытствующие петербуржцы различных сословий потянулись на Васильевский остров к дому купца Раменцова, где разместилось невиданное ранее учебно-воспитательное заведение, визит в которое обещал подарить знатным посетителям изобилие колоритных впечатлений.

Хотя избранных особ из высшего общества допускали внутрь, они были разочарованы, так как в затрапезных помещениях лорнировать оказалось нечего. Кроме нескольких пустоватых классов, имелся скромно обставленный дортуар для общего проживания незрячих мальчиков да тесноватая столовая — вот и всё хозяйство. В одной из комнат несколько тихих мальчиков, одетых одинаково скромно, чинно сидели за столами, на которых находились неизвестного назначения предметы да странной формы скульптуры. Между подопечными степенно прохаживался месье Гаюи, высочайшим повелением назначенный директором Института.

После шумной презентации интерес к уникальному заведению быстро угас. Однако уже летом 1808 года чиновниками надзирающих органов была проведена тщательная проверка его финансовой и образовательной деятельности. В итоговых документах отмечалось: «Слепые воспитанники обучены чтению, письму, географии, истории, языкам, музыке, печатанию, пению и разным ремёслам, в том числе плетению корзин и стульев, вязанию сетей, вышиванию и наборному де-

лу...».

«Колокольни грохотали пышно,
Господу угоден и мираж,
Горсточка нечёсанных мальчишек
Зачастила в классах: «Отче наш!»

Предусмотрительный «легионер духовного возрождения» доставил в Россию небольшую типографию с превосходным оборудованием, на котором, получив необходимую квалификацию, сами подростки мастерски набирали тексты и печатали книги унциалом, а потом их с любовью переплетали. Постепенно была сформирована целая школьная библиотека на кириллице. Подбор рельефно-линейных томов оказался в ней вполне логичным для того времени. На стеллажах теснились: «Евангелие от Матфея», «Краткий катехизис» и нотные издания, в которых отдавалось явное предпочтение произведениям православной направленности. Впрочем, у завсегдаев очага культуры по понятным причинам наибольшим спросом пользовались «Краткие начальные основания российской грамматики». По-видимому, в 1810 году именно с этого чрезвычайно полезного сборника справочных материалов и приступили к формированию бесценного фонда учебной литературы.

На территории Российской Империи в обучении юношества поощрялись достаточно консервативные методы, поэтому согласно параграфам довольно строгого устава в институт принимали лиц исключительно

мужского пола. Однако в частном порядке у себя на квартире подвижник обучал грамоте и рукоделью нескольких незрячих женщин. Самой известной из них оказалась мелкопоместная дворянка Измайлова, владевшая девятнадцатью душами крепостных.

За 10 лет изнурительной и беспорочной службы самоотверженному иноземцу в торжественной обстановке вручили орден Святого Владимира четвёртой степени. Так как в империи строго регламентировался порядок поощрения, подобная престижная награда была неизбывной мечтой подавляющего большинства местных клерков, должности которых занимали незавидные разряды в табели о рангах. Кроме всего прочего, эта дворянская почесть давала право на довольно высокую пенсию.

Валентин Гаюи чрезвычайно активно трудился вплоть до семидесяти двух лет. Лишь в этом очень преклонном возрасте он подал в отставку и в 1817 году отбыл на родину. Радует, что и спустя два века имя провидца не затерялась в лабиринтах исторических катаклизмов, а ведь многие современники считали благодетеля убогих наивным чудаком или примитивным авантюристом.

Не спеша размышляя о невероятно насыщенном жизненном пути Человека с большой буквы, я пришёл к выводу, что истинный вклад таких подвижников в мировую культуру обычно видится на расстоянии. Нельзя отрицать, что им были обучены грамоте меньше сотни

тотальников, но его унциал дал мощный толчок всесторонней реабилитации нынешних инвалидов по зрению. Наверное, опытного наставника можно сравнить с умелым и смелым объездчиком строптивых лошадей или с креативным вожаком табуна, который в состоянии единолично повернуть тысячи голов буйного молодняка в правильном направлении.

Поводья страсти натянуть
Довольно сложно, что понятно,
Ведь пить опасность по чуть-чуть
Порою жутко, но приятно.
Мы бьём по нервам не со зла
И на предчувствиях гарцуем,
Но вылетаем из седла,
Когда итог непредсказуем!
Жокеям ухарство во вред,
А необъезженные кони
Хотят нахрапистых побед,
Чтоб соль облизывать с ладони.
Копытят землю стригунки,
Юнцам охлюпкой страх неведом...
Неужто, шорам вопреки
Они рванут за нами следом?

Владимир Бухтияров

Окончание следует.